

республіканська культура формувалася саме в жорсткому протистоянні інституту Церкви, а в скандинавських країнах існує своєрідна «громадянська релігія», що дозволяє домовлятися в складних ситуаціях. Хотілося б протиставляти не різні країни Європи, а дві картини світу.

В першій життєвості людини є найвищою цінністю. Томас Гоббс серед базових потреб людини назвав безпеку, а бажання людини зберегти своє життя бачив як виправдання опору державі. Всі інші принципи формуються саме для того, щоб людина відчувала себе безпечно – свобода слова стоїть на забезпеченні цієї базової потреби.

В іншій картині світу заради принципу можна вбивати. Те, що над нами, настільки сильно та цінно, що заради цього можна позбавити життя когось, хто не визнає наших цінностей. Так, можна при цьому загинути самому, але й вбити іншого. Помста за неповагу до ідеалу – ось головний мотив.

Справа не в свободі слова. Справа в житті. Саме навкруг цієї базової цінності формується сутність Європи – єдність в багатобарвності. Ми можемо скільки завгодно бути скептиками та цитувати слова Ангели Меркель про крах політики мультикультуралізму. Це проблема конкретного політичного курсу. Європа формується на ідеї цінності життя. Ми надто довго жили в радянській настанові, де принцип є значно вищий за життя. Це може зіпсувати нашу оптику.

*Александр Евсеев,
кандидат юридических наук,
Анна Сохикян,
(г. Харьков)*

БОРЬБА С «ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ НЕНАВИСТИ» ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ США

Трагические события, произошедшие 7 января 2015 г. в редакции французского еженедельника «Charlie Hebdo», вновь разожгли огонь давней полемики о веротерпимости и границах свободы слова в демократическом

обществе. Подавляющее большинство изданий во всем мире скорбели вместе с их французскими коллегами, сетуя на беззащитность западной цивилизации перед лицом исламских фундаменталистов. Миллионы людей, не имевшие доселе никакого отношения к журнальному делу, изменили свои аватарки в социальных сетях на слоган «Je suis Charlie» («Я – Шарли»), ставший общеевропейским лозунгом защитников свободы слова. Тем удивительнее на таком фоне выглядела позиция американских публицистов, прозвучавшая определенным диссонансом в общем потоке скорби.

В этом отношении показательной является статья обозревателя Д. Брукса «I'm not Charlie Hebdo» («Я не Чарли Эбдо»), опубликованная в газете «Нью-Йорк Таймс». В ней автор, отдавая дань практике политкорректности, ставшей закономерным результатом многолетней борьбы расово-этнических и прочих меньшинств за свои права, утверждает, что если бы карикатуры на пророка Мухаммеда, подобные тем, которые были опубликованы во французском еженедельнике, увидели бы свет в США не то что на общенациональном уровне, а просто в университетской газете, то не прошло бы и тридцати секунд, как их создатели были бы обвинены самими студентами в разжигании межнациональной розни, а администрация вуза сократила бы финансирование такого издания до минимума, а со временем, не исключено, и вовсе избавилась от него¹. Подобного рода оценка особенно примечательна в устах американского журналиста, где, казалось бы, любые, даже самые раскованные формы самовыражения находятся под сенью правовых гарантий Первой поправки к Конституции. Все это говорит о том, что несмотря на формальное отсутствие в американском праве какой-либо ответственности за пропаганду ненависти *per se*, тем не менее структуры гражданского общества этой страны «отбраковывают», во многом интуитивно, те воззрения, которые считаются несовместимыми с демократическими ценностями и американскими «привычками души».

Сказанное в определенной степени и до известных пределов справедливо и по отношению к Франции. У известного философа Жака Дерриды есть меткая

¹ Попутно заметим, что в 1970 г. предшественник «Charlie Hebdo» журнал «Харакири» был закрыт после грубой шутки о смерти бывшего президента Франции Ш. де Голля.

мысль о том, что демократические общества остаются таковыми до тех пор, пока они основываются на принципе «толерантного сосуществования». Иными словами, до тех пор, пока «чувство гостеприимства» (*le sens de l'hospitalité*) основано не просто на определении «другого» (по расовому, этническому, религиозному или какому-либо иному принципу), а на признании «другого» абсолютно и во всем равным «своим». Деррида напоминал, что несмотря на многочисленные различия, все люди – прежде всего члены одного общества, а значит должны иметь равные права и обязанности перед этим обществом. Не сложно заметить, что сугубо американская трактовка политкорректности уже начинает проникать в духовную ткань европейского образа жизни, что, в свою очередь, делает особенно привлекательным изучение тех уголовно-правовых средств, с помощью которых в США был достигнут столь высокий уровень национальной терпимости.

Сразу оговоримся, что согласно решению Верховного Суда США по делу *Wisconsin v. Mitchell* (1993) уголовное преследование за преступления, совершенные на почве расовой, религиозной и иной ненависти (так называемые «преступления ненависти» или «hate crimes»), не противоречит конституционным свободам слова и выражения мнения. Более того, данная категория преступлений считается там одной из наиболее опасных. Как справедливо отмечалось в докладе Американской психологической ассоциации, «преступления ненависти» – это «преступления послания». Они отличаются от иных преступлений тем, что «преступник обращается с посланием к членам определенной группы о том, что их присутствие нежелательно».

По подсчетам американских криминологов (Д. Грин и другие) каждый час в США кто-либо совершает преступления ненависти, а каждый день восемь чернокожих, трое белых, трое гомосексуалистов, трое евреев и один латиноамериканец становятся жертвами подобных преступлений. И хотя если в 2004 г. таких инцидентов было зарегистрировано 7649, а в прошлом – менее 6000, что, в свою очередь, отражает общую тенденцию снижения уровня преступности в США, наметившуюся еще при Клинтоне, тем не менее общественная опасность этих деяний сохраняется.

По данным исследователей типичный преступник такого рода – малообразованный и часто безработный молодой человек, нередко находящийся под влиянием алкоголя и/или наркотиков, в прошлом имевший проблемы с законом. Однако такого рода люди считают себя носителями некоей высшей идеи – в 90-95 % случаев одиночка, совершивший преступление ненависти, имел определенный опыт идеологической обработки.

К общественным формированиям, чьи представители чаще всего совершают подобного рода преступления, в США относят следующие референтные группы: неонацистов, скинхедов, «черных пантер», ку-клукс-клановцев, растерявших, правда, былое влияние, некоторых других. Причем при квалификации того или иного деяния как преступления ненависти широко применяется аналогия. Скажем, в 21 штате таковыми считаются также преступления против инвалидов и психически больных людей, в 22 штатах – преступления, совершенные против лиц, обладающих нетрадиционной сексуальной ориентацией, а еще в 3 штатах и федеральном округе Колумбия к преступлениям ненависти относят преступления, совершенные по политическим мотивам, например, избивание человека, поддерживающего иную политическую партию.

В случае совершения данных деяний виновный может быть приговорен к следующим наказаниям: тюремное заключение; штраф до 5000 дол.; возмещение ущерба жертве, включая медицинские и консультационные расходы; обязательное посещение курсов по межличностным отношениям; психологическая принудительная консультация; дополнительный штраф для некоммерческих субъектов; общественные работы сроком до 400 часов. Добавим к сказанному, что столь широкий «веер» наказаний, используемый в уголовном праве США только по отношению к одной категории преступлений, наглядно иллюстрирует ту мысль, что наряду с репрессивным правосудием (тюремное заключение, штраф) должно существовать некое правосудие восстановительное, правосудие как ценность, имеющее высшую силу над правосудием формальным. При этом в нем культивируется - в отличие от обычно возлагаемой на человека за правонарушение пассивной ответственности – активная ответственность, что есть не просто претерпевание

за правонарушение каких-либо неблагоприятных последствий, но активное участие правонарушителя в восстановлении нарушенного правового мира.

*Дмитрий Лукьянов,
кандидат юридических наук (г. Харьков)*

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПЦИИ СВОБОДЫ СЛОВА В ИСЛАМЕ

Исламская концепция свободы мысли и выражения мнения имеет существенные отличия от европейской концепции, что вызывает непонимание и конфронтацию между представителями соответствующих культур.

В Исламе концепция прав человека строится на убежденности в том, что только Всевышний является автором закона и источником всех прав человека. Права человека, дарованные Аллахом, не могут в силу своего божественного происхождения быть сокращены или упразднены государством, обществом, либо отдельными людьми. Никто не имеет права видоизменять их по своему усмотрению.

Свобода мысли и слова рассматриваются как одни из фундаментальных прав мусульманина. Ислам рассматривает человека как существо наделенное Всевышним интеллектом, который необходим ему, что бы искать истину. Свободомыслие и свобода слова являются необходимыми инструментами на этом пути. С этой точки зрения совершенно не правильным является взгляд, что ислам это религия антагонистичная познанию, науке, дискуссиям и искусству. Достижения исламской науки в математике, астрономии, медицине и других сферах, в том числе заложили фундамент современной европейской и мировой науки. Допустимость разных взглядов признается даже в вопросах теологии и шариата, следствием чего является деление на суннитов и шиитов, а также на многочисленные мазхабы.

Вместе с тем считается, что с учетом ограниченных способностей человека, Аллах сам изложил некоторые истины, самостоятельное познание